

КНИГА

Памятник неизвестному ПИСАТЕЛЮ

Надежда Мандельштам и Борис Кузин. Двойной портрет в интерьере тоталитаризма.

На обложке книги, выпущенной петербургским издательством «ИНАПРЕСС», значится: «Борис Кузин. Воспоминания, произведения, переписка. Надежда Мандельштам. 192 письма к Б.С. Кузину». Это — одна из долгожданных литературоведческих сенсаций, ее центральным событием являются найденные в архиве биолога Бориса Сергеевича Кузина (1903 — 1973) 192 письма, которые Надежда Яковлевна написала в 1937 — 1947 гг. Письма долго лежали сначала в личном архиве Кузина (вдова Ариадна Валериановна Апостолова не придавала оставшимся от мужа бумагам особенного значения, и письма вполне могли исчезнуть), потом в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Было известно, что Надежда Яковлевна требовала от Кузина уничтожения писем, что с особой силой растревало воображение мандельштамоведов. Теперь ее письма опубликованы, и стало понятно, почему она писала: «Я не хочу, чтобы после моей смерти гадали, были вы моим любовником или нет. Я не хочу, чтобы после моей смерти обо мне вообще могли что-нибудь сказать. Женское право — не правда ли?» (8 июля 1939 г.). Кузин письма не уничтожил, более того, поскольку в книге напечатано немало его текстов, можно заключить, что он письма перечитывал: мысли Надежды Мандельштам повторяются в его статьях, по крайней мере, дважды (в частности, о поэстерстве Ахматовой).

После выхода воспоминаний Эммы Герштейн (в том же издательстве «ИНАПРЕСС»), существенно преобразивших известные ранее образы Осипа и Надежды Мандельштам (канонизированные в мемуарах Надежды Яковлевны), можно было ожидать, что требование уничтожить письма связано с какими-то жуткими эротическими откровениями. Но дело совсем в ином: в психологической открытости, беззащитности. Годы переписки, 1937 — 1947, самые страшные для Н.Я. Мандельштам, и она предстает перед читателем (в восьмисотстраничном томе ее письма занимают триста страниц) в полном и окончательном отчаянии, хватающейся после смерти Осипа Эмилевича за любые, самые хрупкие соломинки. И так уж распорядилась судьба, что такой ненадежной соломинкой оказался энтомолог Кузин. Потом, в своих знаменитых мемуарах, Н.Я. постаралась свести с ним счеты, стереть, не пустить в историю, изобразив его как случайного знакомого, не сыгравшего никакой роли в жизни ее и Осипа Мандельштам. Психологически понять причины этих драматических отношений с собственной памятью нетрудно: годы шли, а душевные раны болели по-прежнему.

Кузинские сочинения публикуются в таком объеме впервые, а о Н.Я. достоверного было известно, как выясняется теперь, мало. Поэтому «неизвестный писатель» — это они оба. Центральное событие книги — письма Н.Я. Прочее их так или иначе разъясняет, аккомпанирует им. Такова роль мемуарной и автобиографической прозы Кузина, в частности, мемуара (он написан в 1970 г.) о случайной встрече с Мандельштамом в прохладном дворике эриванской мечети летом 1930 года. Кузин тогда находился в Эривани в командировке — искал араратскую кошениль (насекомое, из которого добывают пищевой краситель кармин). С энтомологической тщательностью мемуарист описал и встречу с поэтом и то психологическое состояние, в котором

Надежда Мандельштам

Борис Кузин. Шортанды, 1938

Мандельштам пребывал, и последующую дружбу в Москве. Кузину, как известно, посвящено стихотворение «К немецкой речи», из этого стихотворения Кузин особенно выделяет слова: «Когда я спал без облика и склада, / Я дружбой был, как выстрелом, разбужен». Мандельштам нуждался в мужской дружбе, и именно Кузин оказался тем другом, тем психологически близким человеком, который помог поэту выйти из летаргии и вновь начать писать. Такова концепция Кузина, которая выглядит несколько самонадеянно и схематично. Оценить ее достоверность трудно, может быть, так оно и было, хотя более вероятно, что для вечно погруженного в себя О.Э. душевные и прочие свойства Кузина ни малейшего значения не имели, а просто Кузин стал той «случайностью», той «пылинкой», которая нажала на какой-то клапан в душе О.Э., в результате чего стихи вновь пошлИ.

В 1935 году Кузин сел: «посадил» его именно О.Э., во время одной из своих «игр» (у следователя) включив в список тех, кому читал «сталинское» стихотворение. В казахстанском лагере Кузин пробыл до середины 1937 года, после чего принял судьбоносное решение: добровольно остаться в Казахстане в ссылке. Он устроился на научную сельскохозяйственную станцию в каких-то забытых Богом Шортандах. Там даже не было электричества. В этой ссылке, в состоянии абсолютного одиночества, Кузин провел 16 лет — до 1953 года. Дневниковая запись 1971 года: «Я, может быть, и не умен, но зато труслив». Трусость позволила сохранить жизнь. Совершенно очевидно, что возвращение в Москву в качестве фигуранта по «делу Мандельштама» обрекало Кузина на репрессию. Любопытно, что были люди, которым это было ясно уже в 1937 году. Очевидно, вследствие той же трусости ни одной строки в мемуарах не посвящено следствию и заключению: Кузин был полным антиподом Мандельштама: тот сторел, как мотылек, этот добровольно и медленно истлевал.

Первое письмо Надежды Яковлевны Кузину датировано 6 сентября 1937 года. Точнее, в этот день было отправлено сразу два письма, одно написано от имени Н.Я. и О.Э. и начинается «милый Борис Сергеевич!», второе — одной Н.Я.: «Милый мой Борюшка, родной мой друг! ...Ни на один день, ни на одну минуту я не забывала вас. Вы всегда были со мной». Потребность в дру-

ге, в том, кому можно выплакаться и выговориться, испытывала именно Н.Я., а не О.Э., и с первого же письма это ощущается. «Зависимой» в дружбе была именно Н.Я. — так это установилось с самого начала. И это было ее главной тайной, которую она хотела бы скрыть ото всех. Гордое одиночество, способность к самостоятельности которого не должен был никто. А письма к Борюшке были отдушиной.

Кульминация роман в письмах (это именно роман с экспозицией, кульминацией, трагическими перипетиями и остыванием отношений, пока в 1947 году Кузин необъяснимо для себя не прервал переписку — более он до самой своей смерти с Н.Я. не общался) достигает в апреле 1939 года. Реконструировать все в деталях трудно (письма, к сожалению, прокомментированы непрофессионально), но, видимо, события развивались так. В декабре 1938 года Н.Я. жила у Кузина в Шортандах целый месяц: тут и гадать не надо, был ли Кузин ее любовником. В конце января 1939 года Надя узнала о смерти Осипа. Скорее всего, потребность в страсти, в мужчине, в котором она уверена, была ей в конце 1938 года остро необходима, чтобы заглушить, говоря романтическим языком, боль предчувствий. В начале февраля 1939 г. Кузин получает от Н.Я. письмо с известием о смерти О.Э. и тут же шлет ей ответное письмо, зовет к себе: «Хотите — останьтесь у меня совсем. Хотите — поживите в гостях... Он (Осип. — М.З.) был бы рад, если бы мог знать, что Вы поселились у меня». Что он имел в виду, точно неизвестно, Кузин не прокомментировал свой роман с Н.Я., но одновременно он настойчиво звал к себе и будущую жену, Ариадну Валентиновну, упрощал ее приехать. И она таки приехала, и они поженились (после чего жена вернулась в Москву) — видимо, в марте 1939 года. А бедная Н.Я., ничего об этом не зная, в состоянии крайнего отчаяния и слабой надежды на кражу у судьбы крупинки счастья, собирается к Кузину, поняв его письмо так, что именно ее он хочет взять в жены, что именно с ним она обретет какое-то спокойствие и относительное материальное благополучие (в 1938 г. она работает тазовщицей на прядильной фабрике!). В марте 1939 г. Н.Я. «ликвидировала Малоярославец» и прибыла в Москву готовиться к отъезду в казахскую степь — насовсем. И вот тут она

вдруг и узнала из писем Бориса Сергеевича, что Кузин уже передумал, что он женат...

Н.Я.: «Моя ошибка: в дни большого несчастья я искала почвы — последнего кусочка земли. Это были вы... Я виновата, что я не умела быть одна, и я впредь должна уметь быть одной. Никаких спасательных поясов» (15 апреля 1939 г.).

Оскорбление жуткое: Кузин ее обманул как женщину, а она так глупо, так доверчиво, так неосторожно раскрыла свою слабость и свою тайну — то, что «не умела быть одна», то, что нуждалась в друге и опоре. Потом их переписка возобновилась, но огонь потух,

и оскорбление никогда не было забыто.

Ответные послания Кузина Надежда Яковлевна уничтожила все, за исключением одного: того самого письма за февраль 1939 года, в котором он звал ее к себе. На всякий случай она сохранила для истории доказательство его неблагодарства, в остальном лишив его речи. Вот женщина! Но представленный столь «одноголосый», лишь текстами Н.Я., комплекс писем тем не менее выглядит именно как переписка: письма Н.Я. написаны столь литературно умело, что восстанавливают недостающие звенья диалога. В итоге это выглядит как талантливо претворенный художественный прием.

Идея опубликовать в книге прозу и стихи Кузина оказалась удачной. Надо же узнать и понять того, кому Н.Я. написала такой эпистолярный! Кузин предстает разным: застегнутый на все пуговицы педантичный, ироничный и многословный мемуарист; автор философских рассуждений (скажем, о субординации у кур; примечательна «Орбита Баха», в которой автор выступает убежденным противником прогресса); сочинитель версификаторски умелых, но безнадежно холодных стихов; создатель юмористических произведений, стихов смешных и неприличных, которыми, видимо, переменялись неспешные занятия по систематике жуков. Кстати, что касается юмористической прозы, то в ней Кузин намного опередил постмодернистские фокусы Дмитрия Пригова и Владимира Сорокина с их игрой стилями советской официальности и казенного соцреализма. Но это так, к слову.

Я уже упомянул, что книга практически лишена комментариев. Нет и вступительной статьи, в которой связано и внятно была бы изложена биография Кузина и критически оценена его мемуарная проза, нет достойной преамбулы к письмам Надежды Яковлевны, именной указатель не лишен ошибок. Издательство торопилось издать книгу, трезво смотря на ограниченные исследовательские возможности публикаторов. На этом грустном фоне роман из 192 писем, трагичный, местами иступленный, местами (в отсутствие комментариев) оставшийся непонятным, загадочным, сияет еще ярче. Скоро его издателью достанется на орехи от хранителей канонов, как досталось недавно Эмме Григорьевне Герштейн, облаянной всеми сразу за разрушение сложившихся представлений.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

20.7.99

Мандельштам Осип